

*Людмила Михайловна СИМОНОВА —
доцент кафедры мировой экономики и
международного бизнеса ТюмГУ,
докторант СПбГУЭФ, кандидат
экономических наук*

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОИСК НОВЫХ ПОДХОДОВ

Экономическая глобалистика носит комплексный характер, на объекте исследования которой фокусируются методические и методологические подходы целого ряда дисциплин. В настоящее время экономическая наука сосредоточила свое основное внимание на следующих пяти направлениях: финансовая глобализация, становление глобальных МНК, интенсификация мировой торговли, регионализация экономики, тенденция к конвергенции [8, с. 13].

Представляется, что первые из трех указанных направлений являются ныне основательно проработанными с научной точки зрения как в зарубежной, так и в отечественной экономической школе. Однако намного меньше «повезло» в этом отношении проблематике, связанной с закономерностями регионализации экономики и исследованием существования конвергентных и дивергентных процессов в глобализирующемся мире.

Справедливо отмечается [12, с. 23], что ни по одному вопросу международного бизнеса не возникало столько дискуссий с привлечением самой широкой аудитории теоретиков и практиков, как это было при выяснении соотношения «конвергенция — дивергенция» в сфере национальных деловых культур.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что глобализация, стимулируя и ускоряя конвергентные процессы, вместе с тем углубляет национальную и культурную дифференциацию общества, что проявляется в крайне «конфликтных» формах национализма, религиозной нетерпимости, ксенофобии и т. п. Выступая, таким образом, препятствием и ограничением ведения международных операций, дивергентные процессы являются и одним из решающих источников их эффективности при условии грамотного управления национально-культурными параметрами. Поэтому схоластический спор о том, чего больше — конвергентного или дивергентного несет в себе глобализация, все более перемещается в прагматическую область «максимального использования в стратегии фирмы национально-культурного фактора». Что позволяет делать подобные утверждения?

Во-первых, только сейчас глобализация превратилась в самостоятельную силу, достигнув нового качества и заметного влияния на ход всех социальных и экономических процессов в мире, включая и ведение бизнеса, в частности, обуславливая его трансформацию из страновой модели в международную. Дело в том, что территориальность перестает быть организующим принципом хозяйственной, социальной и культурной жизни. Освобождаясь от локального «притяжения», экономика раздвигает национальные границы и свободно их преодолевает, решительно меняя былые приоритеты: на первый план выходят внешние, а не внутренние факторы национального экономического развития. М. Уотерс, рассматривая глобализацию с этой точки зрения, определяет ее как социальный процесс, в котором ограничения, налагаемые географией на социальное и культурное устройство, все больше ослабевают и в котором люди это ослабление все в большей мере осознают [21, р. 3]. Не случайно компании устремляются за пределы внутреннего рынка, и наибольшая экономическая активность субъектов хозяйствования наблюдается за рамками национальных границ.

Но это не снимает и не отменяет обратного влияния: дальнейшая территориальная и экономическая экспансия ведущих мировых игроков все больше наталкивается на систему ограничений, связанных со спецификой национальной деловой культуры, особенностями управления и ведения бизнеса в той или иной стране размещения. Федеральный президент Германии Йоханнес Рау в своей речи в мае 2002 года в Берлине отмечал, что зачастую глобализация сопровождается вытеснением национальных традиций и устоявшихся взглядов на мир, потерей культурного многообразия и культурной самостоятельности. В силу этого экономическую глобализацию чрезвычайно сложно оформить политически и социокультурно: ведь то, что несет глобализация, имеет «европейский и североамериканский характер» и не означает «становление новой культуры из множества различных корней» [19, с. 8].

В силу того, что основой экономического и политического развития становится доктрина «открытого общества», современная эпоха обретает налет трансцендентности, существенно меняя «степень досягаемости» и делая доступным ранее недостижимое: это и свободный доступ к информации, преодоление институциональных, географических и идеологических барьеров, небывалое оживление культурных контактов, формирование интернациональных коллективов и даже рекрутирование кандидатов на президентский пост из числа иностранцев.

Исследователь глобализации К. Омае считает ее необратимым процессом, который лишает смысла традиционные понятия национальной политики, торговли, гражданства. В этом смысле, по его мнению, экономический национализм отдельных государств стал отныне бессмысленным. Настоятельной потребностью становится формирование единого глобального метапространства (экономического, правового, информационного, культурного, политического) для свободной и эффективной предпринимательской деятельности всех субъектов хозяйствования в международном масштабе [3]. Но всякое единое общее глобальное пространство покоится на действии принципа универсальности.

Что задает основу универсализации, каковы ее источники?

Во-первых, это либерализация торговли и другие формы экономической либерализации, приведшие к усилению мобильности всех факторов производства в международном масштабе.

Во-вторых, это принятие и распространение по миру демократических стандартов, повсеместная разделяемость демократических ценностей, демократизация политических режимов и практики регулирования трудовых отношений.

В-третьих, возникновение технологических макросистем в сфере производства, транспорта и связи, или «техноглобализм», то есть слияние появляющихся в отдельных странах новых технологий и нововведений в единый комплекс технических знаний.

В-четвертых, международный характер управления с выходом его на наднациональный уровень, глобализация менеджмента, появление качественно новых субъектов международного управления. В частности, М. Грачев справедливо замечает, что меняется и сама парадигма менеджмента в пользу глобального взгляда на эффективность управления. Так, по оценке журнала «Бизнес уик», постепенно формируется международный стандарт управления фирмой начала XXI века, который включает в себя систему отчетности и финансового контроля западного типа с опорой на групповую работу «по-японски». В данной фирменной модели будет цениться этническое разнообразие, прагматичное для интересов фирмы, а управляться она будет «руководителями-космополитами», которые понимают особенности разных культур, задают общий тон и стратегию развития и предоставляют «менеджерам на местах максимальную свободу действий» [4, с. 120].

В-пятых, идеологическая конвергенция, поскольку идентичность национальных институтов и систем экономического регулирования, а также конвергентность наци-

ональных политик базируются на идеологическом единстве и «однородности» средств массовой информации, становлении адекватной глобализации системы общественного сознания, достижении единомыслия в оценке рыночных сил и системы свободной торговли, одобрении определенных моделей поведения, «... образа действий и систем ценностей, включая единство постулатов новой технологии, гомогенизацию и стандартизацию производства и потребления» [16, с. 53]. Это подчеркивает особую значимость и актуализирует задачу выделения, помимо вышеперечисленных предпосылок глобализации, так называемых «мягких» ее переменных: идеологических и культурных факторов, роль которых на современном этапе неуклонно возрастает. Таким образом, глобализация — это «соревнование не только за рынки, но и за ценности» [17, с. 59].

Наконец, в-шестых, универсализация культуры, ее гибридизация, сближение образа жизни людей разных стран и регионов. Вскоре, прогнозируется, любой уголок планеты будет выглядеть и восприниматься идентично любому другому, с унифицированным «культурным ландшафтом»: едой, одеждой, ресторанами, отелями, телевидением и другими универсальными атрибутами материальной культуры и, соответственно, с неизбежным «размыванием» местных традиций и культурных норм. В этом качестве глобализация выступает эффективным средством клонирования культур, дальнейшего воспроизводства и распространения стандартов консьюмеризма, нивелировки разнообразия и культурных различий.

Тем не менее тенденция к универсализации не является самодовлеющей, а «растворение» государственных границ не означает исчезновения и унифицирования всех этнокультурных субъектов. Государства и народы стремятся сохранить культурное своеобразие. Более того, чем сильнее экономическая тяга к универсализации, тем значительнее общекультурное сопротивление этой тенденции, тем выше, в конечном счете, культурные барьеры, сильнее стремление оградить, защитить, отстоять себя как культурную самобытность, тем «выраженнее» социокультурный «биоценоз», сильнее тенденция к культурному самоопределению и суверенитету.

В борьбу за культурную самобытность втягиваются целые социальные группы и отдельные индивиды. С одной стороны, это связано с ослаблением функций национального государства и активизацией деятельности международных негосударственных образований, таких, как религиозные движения, мафиозные группировки, этнические диаспоры. Кроме того, в глобализационных процессах все больше приходится считаться с общественным мнением по всем аспектам складывающегося миропорядка, начиная с экономических и заканчивая культурными. Далее, правомерно рассматривать данную тенденцию и как реакцию на преимущественно американоцентристскую модель глобализации, своеобразную форму защиты от «культурного империализма» США, которые выступают на сегодня крупнейшим поставщиком как качественной, так и низкопробной «культурной продукции» в мире. Достаточно сказать, что 3/4 «картинок», показываемых в мире с видеокассет или в кинотеатрах, — американские [9, с. 15]. Естественным барьером подобного подавления общественного сознания населения других стран и одновременно средством противодействия данной информационной агрессии выступают объективные межстрановые различия в культурах. Ведь культура «автоматически отстаивает минимальный интеллектуальный и информационный суверенитет каждой нации». С другой стороны, утрата или упадок национальной культуры ослабляет сопротивляемость государств информационной агрессии их международных конкурентов [2, с. 120, 127]. Поэтому не случайно распространяемые странами-разработчиками в других национальных культурах технологии и модели управления, навязывающие чуждые им ценности и нормы поведения, далеко не безобидным образом сказываются на конкурентоспособности стран-реципиентов: даже самые эффективные технологии управления, не стыкующиеся и не интегрированные в

контекст данной национальной культуры, приводят к деградации и падению конкурентоспособности данной страны [там же, с. 109-110]. В этом случае обычно реализуется сценарий «развитие за счет чужой деградации».

«Культурная агрессия» М. Делягиным, Ю. Горским и другими [2] рассматривается как наиболее распространенный инструмент международной конкуренции, применение которого связано, как правило, с завоеванием рынков сбыта для товаров — носителей определенной культуры. Способом противостояния данной агрессии, как это ни удивительно, выступает традиционность, приверженность общества традиционному укладу, который служит буфером и средством отражения, нейтрализации экспансионистских попыток. Вместе с тем, именно этот общественный институт обеспечивает первичную приемлемую для данной национальной культуры адаптацию навязываемых изменений, растягивая данный процесс во времени и встраивая изменения в национальный контекст.

И наконец, борьба за культурную самобытность — это и один из способов «встраивания» в геоэкономику, где выживание и успех лишь за теми субъектами, кто может быть либо уникальным, либо самым экономичным и эффективным. Опора на национальную культуру способна обеспечить оба этих условия, что и служит в конечном счете источником конкурентоспособности любой национальной экономики.

Либерализация, дерегулирование, ориентация на экспорт и т. п. являются важными составляющими процесса глобализации. При этом с очевидностью внутренние приоритеты и ценностные ориентиры ведущих «игроков» проецируются на все крупнейшие сферы интернационализации, определяя крайне неравномерный характер распределения выгод и издержек глобализации между ее участниками и превращаясь в источник конфликтов. Однако они выступают и в качестве источника внутренних и международных конфликтов, будучи напрямую связанными с внешней конкурентоспособностью. Проблема согласования интересов по достижению конкурентных преимуществ и социальных ориентиров стала ключевой для развитых стран.

Отмечая эту оборотную сторону глобализации, в 1995 году папа Иоанн Павел II подверг ее обоснованной критике: «Поскольку глобализация руководствуется только законами рынка в интересах наиболее могущественных, ее последствия могут быть только негативными. Таковы, к примеру: *подход к экономике как к абсолютной ценности...*». Современные геополитические изменения, частота и острота возникающих повсеместно этнических и религиозных конфликтов, появление совершенно новой разновидности преступлений на почве ненависти, национальной, религиозной и этнической нетерпимости, так называемых *hate-crime*, лишь подтверждают данную закономерность.

По мнению бывшего Генерального секретаря ООН Б. Бутрос-Гали, глобализация несет с собой ослабление роли государства в регулировании различных сторон жизни общества, а также уменьшение его единства, рост насилия и конфликтных ситуаций различного характера и масштаба [15, с. 70].

Глобализация еще не выработала единого механизма регуляции локальных экономических, политических и культурных различий, которые пока сглаживаются самопроизвольно, через сложившееся соотношение сил отдельных субъектов. В этом, кстати, проявляется несовершенство сил унификации. Кроме того, уменьшение единства общества свидетельствует о принципиальной неполноте процессов технологической и экономической интеграции, незавершенности их в культурном и этническом отношениях, что ставит на повестку дня вопрос о том, что же в XXI веке реально интегрирует, объединяет современное в экономическом отношении процветающее общество с его открытыми границами, какие ценности, культурные и социальные ориентиры предлагает экономика «глобального типа», требуя выработки особой интеграционной культуры.

В этом смысле глобализация в своей всепоглощающей тенденции к унификации наталкивается на естественную систему ограничений, связанных с разницей в деловых культурах, гражданских структурах и этнических менталитетах. Сбывается предсказание С. Хантингтона, заметившего, что мир действительно стал «иным, но не обязательно более мирным». Эта тенденция, судя по всему, сохранится и в последующие годы.

Доводом в пользу этого утверждения является и геополитическая эволюция противоборствующих тенденций, изменение форм соревнования конкурирующих стран.

Так, для эпохи холодной войны было характерно противопоставление военных и оборонных потенциалов, гонка вооружений. Следующие десятилетия были отмечены тенденцией к идеологическому и геополитическому противостоянию («Третья мировая война уже идет, и победа будет одержана на поле идей», — писал корейский проповедник и миллиардер Мун), впоследствии геополитические приоритеты были заменены геоэкономическими. Уже геоэкономика представляла новое пространство для состязания промышленно развитых стран в их попытках одержать технологическое и коммерческое первенство, затем уступив место доминированию в информационной области, которое чем дальше, тем больше сменяется психологическим противостоянием, «борьбой менталитетов и культур», воздействием на противника на его же собственной «ментальной» и мировоззренческой территории.

Объективным основанием усиления значимости в экономике психологических факторов является достижение капиталом скорости движения, сопоставимой со скоростью циркулирования информации, но превосходящей скорость ее аналитического осмысления. В результате «движение капитала все больше зависит от психологических факторов — от настроений, ожиданий и инстинктивных, подсознательных реакций участников рынка» [2, с. 137].

Технологии формирования и изменения общественного сознания очень активно применяются в настоящее время как на национальном, так и на международном уровне. В результате их воздействия «размываются» критерии оценки событий, будучи заданными столь же виртуальным путем господствующими в «медиа-пространстве» и непосредственном окружении представлениями. Оценка того или иного события определяется не его реальными последствиями, но доминирующими в коллективе и СМИ-пространстве «мнениями и восприятиями». Человек начинает действовать в иллюзорном, виртуальном мире «не реальностей, но оценок и ожиданий». А навязываемые представления и ценностные ориентации искусственно конструируются и имплантируются извне. Образная и точная оценка такого состояния содержится в высказывании Ю. Афанасьева: «Кажимости и мнимости победили в борьбе с данностями» [там же, с. 59-60, 62-63].

Таким образом, в новой информационной экономике начинают действовать новые законы, в которых психология и эмоции преобладают над аналитическими расчетами. Так, профессор экономики Йельского университета Роберт Шиллер утверждает, что основу экономических процессов в глобальную эпоху образуют уже не рациональное поведение и аналитические расчеты, а человеческая психология и эмоции. Отражая эти новые реалии современной экономики, в последнее десятилетие появляется и необычная экономическая наука, которую Р. Шиллер называет «психономикой», или «бихевиористской экономикой» [10].

Требования «новой экономики» уже учитываются «новой экономической наукой». Достаточно сказать, что Нобелевские премии в области экономики в 2000 году были присуждены Дж. Хекману и Д. Макфаддену за методологию оценки свободного выбора покупателем товара, а также выбора людьми места жительства и проживания с принципиально иных позиций, альтернативных доминирующей все еще рационалистско-либеральной концепции. Анализ потребительского поведения, осуществленный лауреатами, является методологической основой для выработки эко-

номической политики с учетом национальных, культурных и поведенческих особенностей, то есть всего того, что «в рамках ультралиберальных рецептов управления в лучшем случае игнорируется, а в худшем рассматривается как требующая исправления помеха» [14, с. 6].

При подобном подходе успех определяется не только достижением военного паритета или экономическим первенством, а прежде всего эффективностью воспроизводства социальных институтов и образа жизни, обеспечивающих экономические и культурные преимущества, что требует, в свою очередь, досконального знания специфики национального характера других народов, их традиций, религиозных установок, поведенческих особенностей и культурных норм.

Действительно, различные религии, берущие начало в глубокой истории человечества, а также культурные ценности различных наций и народов плохо совместимы друг с другом, что, по мнению С. Хантингтона, закладывает реальные предпосылки для формирования новых центров силы и влияния на мировой арене, служит источником грядущих международных противоречий и конфликтов, которые в будущем проявятся в более широком диапазоне.

Об этом свидетельствует и террористический акт 11 сентября в США, и последовавший после этого на пресс-конференции в Берлине призыв итальянского премьер-министра С. Берлускони фактически к новому крестовому походу на Восток, к завоеванию и обращению новых народов европейскими на основе превосходства западных духовных ценностей над восточными, а также дальнейшее обострение противоречий вплоть до военного противостояния между Израилем и Палестиной, и, наконец, появление «новых центров активности» на международной арене, представляющих «незападные общества», культуры и религии: китайскую, мусульманскую, латиноамериканскую и другие. Этот межцивилизационный разрыв, по мнению многих ученых, будет лишь углубляться, поскольку «наиболее значимыми различиями между народами, а следовательно, источниками международных конфликтов, станут не идеологические, политические или экономические различия, а противоречия культур» [15, с. 73].

Следовательно, некомплексный характер глобализации, незавершенность ее в культурно-этническом отношении, недостаточная социальная ориентация служат постоянным источником международных конфликтов и столкновений, что представляет угрозу международной безопасности. Поэтому настоятельно необходимы новые эффективные формы глобального управления рисками и возможностями интеграционных процессов, новые механизмы согласования национальных экономических интересов и стратегий, а также соответствующее глобальное мышление.

Таким образом, теоретическое исследование глобализационных процессов позволяет сделать следующие выводы.

1. Глобализация предполагает не только интеграцию экономических и политических сфер деятельности в мировом масштабе, но и развитие конвергентных и дивергентных процессов в области взаимодействия национальных культур и их интернационализации.

2. Территориальные рамки для каждой страны как доминирующий принцип организации как политической, так и экономической деятельности, сменяются в эпоху глобализации системой социально-культурных ограничений.

3. Ускоряющееся геоэкономическое развитие требует единообразия в применении технологий, информационных массивов, универсализации потребностей, продуктов, денежных единиц, что с необходимостью предопределяет социо-культурную унификацию, единомыслие, единство психологии, моделей поведения и образа действий.

4. Данная тенденция к унификации может быть «компенсирована» только «мультикультурализмом» такой же интенсивности, сохранением национальной самобыт-

ности, своеобразия и колорита, которые не просто обогащают содержание мировой экономической модели, но и отстаивают потенциал конкурентоспособности нации и ее суверенитет. Глобализация — это вызов культурному многообразию человечества.

5. Отвечая на эти вызовы, в глобальной экономике используются изощренные, «тонкие» технологии воздействия на ядро национальной культуры, систему ценностей и культурных норм, трансформации индивидуального и общественного сознания, что в свою очередь требует досконального знания национального менталитета и культуры других народов.

6. Соревнуясь за ценности и образ мышления, контролируя не только рынки, производство и торговлю, но и технологии управления, мировоззрение и культурные установки, глобализация представляет собой как новую экономическую модель, так и особую идеологию со всеми чертами фундаменталистской религии, насаждаемой средствами «культурной агрессии» и «информационных войн». Тем самым глобализация провоцирует серию межцивилизационных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов, усиление социальной нестабильности.

7. Глобализация — процесс незавершенный: продолжается поиск новых подходов и концепций, соответствующих перечисленным геоэкономическим проблемам и противоречиям.

Так, оригинальным и продуктивным в научном отношении представляется предложенный Э. Г. Кочетовым [7] в рамках цивилизационной парадигмы подход, отражающий принципиальные изменения в системе взаимоотношений национальных экономик с внешней средой и между собой в неэкономическом пространстве. По мысли автора, постиндустриальная модель, не принимая во внимание социокультурные (в том числе этнические и национальные) факторы, с неизбежностью культивирует этнонациональные противоречия, угрожающие целостности транснациональных сообществ, особенно неоднородных в национальном и этническом отношении. Справедливо указывается, что постиндустриальная модель «способна воспроизводить обезличенную товарную массу, оставаясь безразличной к этнонациональному фактору, но с такой же неизбежностью она воспроизводит этнонациональные противоречия, которые в конечном итоге опрокидывают постиндустриальную модель, ведут к конфликтам с национальной (в том числе религиозно-фундаменталистской) окраской» [7, с. 215].

Возможны два сценария разрешения указанных конфликтов: либо снятие этнонациональных противоречий через унификацию и формирование однородного цивилизационного сообщества, либо формирование этноэкономических систем, гармонизирующих этнонациональный и техногенный факторы.

Чем интересен и ценен этот, несомненно, неординарный подход к проблеме разрешения существующих геоэкономических противоречий? На наш взгляд, к его достоинствам правомерно отнести следующие:

- применение системного подхода к анализу современных проблем и противоречий глобализации;
- комплексная оценка бизнес-окружения, среды функционирования экономической системы, включающая этнонациональные, культурологические, морально-этические и другие факторы, то есть компоненты, «не учитываемые законом стоимости». Так, общий характер воспроизводственных процессов в геоэкономике, считает Э. Кочетов, «может отражать национальный менталитет, обычаи, трудовые склонности, национальные пристрастия и предпочтения». В этой логике этноэкономические системы «не обособляются ни от культурологических, нравственно-этических, религиозных, ни от воспроизводственно-индустриальных сфер» [7, с. 213–214];
- расширительная трактовка конкурентоспособности: в предлагаемой ученым «системе координат» невозможно оставаться в «прокрустовом ложе» категории «кон-

курентоспособность товаров» (ценовая конкуренция и их качество), последняя требует замены на принципиально новый, всеобъемлющий и качественный критерий «этноэкономическая конкурентоспособность» (качество жизни с элементами самобытности), национальной уникальности и колорита;

- ориентация на согласование и гармонизацию геоэкономических и национальных интересов, более того, «формирование этноэкономических систем должно стать неотъемлемой частью национальной стратегии развития» [там же, с. 220];

- дифференцированный в рамках общей цивилизационной парадигмы подход к формированию различных типов этноэкономических систем (к примеру, Японии, Тайваня, России и т. п.) и прогнозная оценка социокультурной динамики их вызревания (в европейских, новых индустриальных странах, восточных деспотиях и др.);

- социокультурная коррекция модели «устойчивого развития», ее корреляция с «устойчивостью формирования этноэкономических систем» [там же, с. 223].

Разделяя концептуально высказываемые Э. Г. Кочетовым положения, отражающие реалии современной геоэкономики, считаем возможным развить и дополнить предложенную им теорию этноэкономических систем как «центрального атрибута неэкономической модели» так называемым «транскультурным измерением» их функционирования и развития.

Представляется, что для решения накопившихся проблем и противоречий глобализации возможно и целесообразно применение *транскультурного* подхода, базирующегося на анализе социокультурных факторов геоэкономического развития, что не может быть достигнуто в рамках традиционной либеральной доктрины.

Кратко существо данного подхода может быть выражено в следующих положениях:

- транскультурный подход используется применительно к трансграничным процессам и операциям в мировой экономике, осуществляемым с пересечением национальных границ, на что и указывает приставка «транс»;

- анализ экономических факторов глобализации обязательно должен быть дополнен исследованием кросс-культурной трансформации, динамики взаимодействия национальных деловых культур и систем менеджмента;

- в противовес технократическому рационализму либеральной концепции транскультурный подход — это одновременно и антропоцентристский подход, в центр исследования которого поставлен человек, его менталитет, система ценностей и поведенческие установки, отвечающий реалиям новой «бихевиористской» экономики;

- формирование нового «человекоцентричного» хозяйственного механизма постиндустриального общества требует замены «экономического детерминизма», преодоления «бессубъектного, внеличного рассмотрения экономических явлений и процессов». При этом анализ технологической многоукладности и экономической неравновесности общества должен быть дополнен исследованием его социокультурной динамики, множественности социальных ценностей, типов массового и индивидуального сознания;

- социокультурные переменные — собственно деловую культуру, идеологию, религию и т. п. — правомерно рассматривать в качестве катализаторов, инициирующих ключевые изменения, социальные и экономические новации постиндустриального общества. Соответственно, требуется новый тип управления, осуществляемого на основе интегрированных предпринимательских и социально-нравственных решений;

- поскольку феномен глобализации выходит за чисто экономические рамки, правомерно рассматривать любое явление или институт геоэкономики, независимо от характера, уровня или масштаба (государство, рынок, интеграция и т. п.) как «социальную конструкцию, то есть как продукт культуры, который отражает уровень знаний и конкретную систему власти» [1, с. 95];

• это комплексный, междисциплинарный подход, который позволяет интегрировать теоретические достижения социологии, антропологии, экономической теории, социальной психологии, сравнительного менеджмента, организационного поведения, а также идеологические компоненты в единую методологическую концепцию. Именно на широком социокультурном основании можно интегрировать различные современные школы и концепции вокруг основного ядра — экономики.

Таким образом, международный бизнес XXI века демонстрирует панораму глобального культурного многообразия. В противовес тенденции к унифицированной монокультуре в мире, согласно прогнозам, культурное многообразие будет только нарастать. В обозримом будущем мир будет представлен мозаикой разнообразных, непохожих друг на друга деловых культур, которые вынуждены считаться с «инаковостью» и должны научиться сосуществовать друг с другом, извлекая из этого конкурентные преимущества.

Выделяют следующие виды кросс-культурных контактов, отражающие специфику взаимодействия отдельных стран (ареалов, регионов, кластеров) с другими культурами [6, с. 350-351].

1. Европейский — базируется на открытости национальных культур, готовности к взаимодействию и инициированию контактов, где приветствуются инновации и достижения других культур и ценится многообразие: касается ли это языков, религий, состава действующих фирм и их филиалов или национального состава.

2. Тибетский — отражает особенности формирования тибетской культуры, возникшей из «сплава» китайской и индийской культур, и предполагает синтез разнородных в культурном отношении элементов с их последующей консервацией, «застыванием».

3. Яванский — мозаичность, разнородность и смешение культур, благодаря легкости восприятия инокультурных явлений и отсутствию приверженности собственным культурным традициям. Так, на Яве, как в калейдоскопе, последовательно чередовались полинезийская, индийская, китайская, мусульманская и европейская традиции.

4. Японский — акцентирует особенности культурного развития Японии и подчеркивает присущее ей весьма взвешенное избирательное заимствование чужого (китайского, индийского, западноевропейского) опыта с сохранением собственных культурных традиций и медленный переход от режима национальной замкнутости к культурной открытости.

Степень интенсивности и характер кросс-культурного взаимодействия, отраженные в указанной классификации, на наш взгляд, могут служить в качестве ориентиров при выборе странами определенной модели взаимодействия с зарубежными партнерами. Особенно это актуально для России при выработке программ и стратегий реформирования общества, определении путей и направлений интегрирования в мировую экономику и установления при этом меры заимствования чужого опыта и проникновения в другие культуры.

Тем более что, несмотря на усиление взаимозависимости стран и интенсивность межкультурных контактов, сохраняется опасность столкновений и конфронтаций между ними. Во-первых, в значительной степени выросло национальное самосознание. В ряде стран проводятся кампании «девестернизации», «деамериканизации» и возврата к культурным истокам. Далее, нивелируются политические, экономические различия, но на первый план выступает культурная несхожесть. «Место рождения и гражданство в нынешних условиях не столь существенно влияют на жизнь людей, как их культурная и религиозная идентификация, т. е. сопричастность метакультурной общности, выходящей за национальные границы» [6, с. 353].

В этих условиях всем нациям чрезвычайно важно научиться «уживаться» друг с другом, выработать лояльность и терпимость к представителям других культур. Эти задачи актуальны для многих государств, в том числе и для России, где последние десять лет неуклонно нарастают признаки межэтнической и межконфессиональной напряженности. Так, примерно треть россиян, по данным социологического опроса ВЦИОМ, проявляют «особую антипатию» к представителям тех или иных национальностей. Поэтому не случайно в России была разработана федеральная целевая программа по воспитанию толерантности на период 2001-2005 годы, призванная формировать терпимость к чужому образу жизни, мнению, вероисповеданию, то есть цивилизованное отношение к представителям других культур. С позиций же международного бизнеса важно не просто выработать лояльность к людям другого языка и другой культуры, но осознать ценность культурных различий как источника конкурентных преимуществ и научиться капитализировать на них. «Наступает эпоха «многомерного диалога» — универсального, всеохватывающего диалога как способа существования культуры и человека в культуре» [там же, с. 481], инициатором и активным участником которого призван стать международный менеджер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодо Ж. Глобальный капитализм: необходимость в обновлении универсалистской модели // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 12. С. 94-99.
2. Братимов О. В., Горский Ю. М., Делягин М. Г., Коваленко А. А. *Практика глобализации: игры и правила новой эпохи*. М.: ИНФРА-М, 2000.
3. Владимирова И. Г. *Глобализация мировой экономики: проблемы и последствия. Менеджмент в России и за рубежом*. 2001. № 3. С. 97-111.
4. Грачев М. В. *Менеджмент в международном бизнесе* // *Бизнес-образование*. № 1 (8). 2000. С. 117-131.
5. Интрилигейтор М. *Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции* // *Проблемы теории и практики управления*. 1998. № 6. С. 44-49.
6. Кармин А. С. *Основы культурологии: морфология культуры*. СПб.: Издательство «Лань». 1997.
7. Кочетов Э. Г. *Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства)*. М.: Издательство БЕК, 1999.
8. Кузнецов В. *Что такое глобализация?* // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 2. С. 12-21.
9. Кузнецов В. *Что такое глобализация?* // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 3. С. 14-19.
10. Лабар П. *Что такое новая экономика?* // *Искусство управления*. 2001. № 5 (11). С. 4-10.
11. Лютенс Ф. *Организационное поведение: Пер. с англ. 7-го изд.* М.: ИНФРА-М, 1999.
12. *Международный менеджмент* / Под ред. С. Э. Пивоварова, Д. И. Баркана, Л. С. Тарасевича, А. И. Майзеля. СПб.: ПИТЕР, 2000.
13. Неклесса А. *Проблема XXI века* // *Эксперт*. 2001. № 34. С. 20-21.
14. *Нобелевская премия по экономике устала от «Экономикс»* // *Эксперт*. 2000. № 39. С. 6.
15. Хозин Г. С. *Глобализация международных отношений: объективная тенденция или стратегия США* // *США. Канада. Экономика. Политика. Культура*. 2000. № 1. С. 65-79.
16. Шимаи М. *Глобализация как источник конкуренции, конфликтов и возможностей* // *Проблемы теории и практики управления*. 1999. № 1. С. 52-58.
17. Шремпп Ю. *10 тезисов к вопросу о глобализации* // *Проблемы теории и практики управления*. 2000. № 2. С. 59-60.
18. Deresky H. *International management: managing across borders and cultures*. -2d ed. - Massachusetts, California, New York, etc.: Addison-Wesley. 1997.
19. *Deutschland*, №4. 2002. С. 8.
20. Pool J., Stamos S. *Exploring the global economy*. - Winchester.: the Durrell Institute of Monetary Science at Shenandoah University. 1994.
21. Waters M. *Globalization*. London-New York: 1995.